

литературное
НОВОЕ
обозрение

№3 (1993)

ЗАМЕТКИ

Константин Шилов

НОВОЕ В ИКОНОГРАФИИ ВЯЗЕМСКИХ

(к истории отношений П. А. Вяземского и О. А. Кипренского)

Не рискуя слишком ошибиться, заметим, что «Записная книжка», с которой сравнивал и отождествлял себя Петр Андреевич Вяземский, время от времени требовала появления графической иллюстрации, дававшей возможность оценить содержимое «книжки» аналитическим взглядом извне, со стороны. Творение портретиста, особенно графика, и было важно Вяземскому как быстрый и точный художественный документ, как повод для самооглядки. Уместно вспомнить верное наблюдение Л. В. Дерюгиной: «Способность к эстетическому переживанию, по Вяземскому, определяется жизнью человека во времени, между прошлым и будущим»¹. Вот почему на протяжении всей своей долгой жизни Вяземский тщательно и терпеливо — с неким чувством «исполнения долга», личной исторической ответственности — позирует художникам. В итоге мы получили богатую портретную галерею, созданную в разные годы и десятилетия К. Рейхелем, И. Германом, С. Дицем, Ф. Вольтреком, И. Зонтагом, И. Вивьеном, Т. Райтом, Т. Ольденбургской... Русских авторских имен меньше, но среди них — великие имена Кипренского и Пушкина...

Несмотря на очевидную притягательность для изучения, обширная иконография Вяземского и поныне содержит много неясностей и весьма значительных лагун. Мы мало знаем историю создания иных изображений, как и историю взаимоотношений авторов и модели. Даже когда речь идет об отношениях Вяземского — первого теоретика литературного романтизма в России — с первым портретистом-романтиком эпохи Орестом Кипренским.

Первая бытующая тут ассоциация связана с самой последней вехой этих отношений. Ею стал тоже последний известный исследователям карандашный портрет работы Кипренского: изображение Вяземского в профиль, сделанное в Риме, с точной авторской датировкой: 17 марта 1835 года (хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина, Санкт-Петербург). Справедливо полагая, что этот портрет недооценен искусствоведами, и напоминая, что он создан спустя пять дней после похорон дочери Вяземского Прасковьи, И. Бочаров и Ю. Глушакова называют его «потрясающим по искренности графическим шедевром»².

1 Дерюгина Л. В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского. — Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., «Искусство», 1984. С. 10.

2 Бочаров И., Глушакова Ю. Кипренский (ЖЗЛ). М., «Молодая гвардия», 1990. С. 322.

Однако подчеркнутая Кипренским под изображением надпись «В знак памяти» связана, безусловно, не только с памятью драматической встречи в Италии в 1835 г. — в канун кончины самого Кипренского. За ней — малоизученная история старинного дружеского знакомства. Отвлекаясь от имевших место в переписке Вяземского разных лет упоминаний о Кипренском и памятуя, что «главная встреча» литератора и художника все же произошла в искусстве последнего, напомним, что существовал не дошедший до нас живописный портрет Вяземского кисти Кипренского, как бы входивший в один ряд с портретами В. А. Жуковского, С. С. Уварова и другими, созданными перед первой поездкой мастера в Италию. Э. Н. Ацаркина датировала эту работу 1815—1816 годами (она упомянута в «Биографии Кипренского» в «Художественной газете», 1840, №13). Насколько нам известно, не сохранилось даже воспроизведение пропавшего портрета. Таким образом, мы, казалось бы, навсегда лишились возможности представить, каким виделся молодой П. А. Вяземский автору портретов прославленных русских поэтов Батюшкова, Крылова, Жуковского, Пушкина... А вместе с этим — и возможности сопоставления прощального графического портрета 1835 г., где дан образ убитого горем, «потухшего» Вяземского, с его же изображением в молодости. В наших представлениях, да и в истории портретного искусства, возник разрыв, пробел. С олжной осторожностью можно предположить, что этот пробел в известной мере ликвидируется с фактом первой публикации старого фотоснимка двух графических портретов П. А. и В. Ф. Вяземских.

Оригинал этого снимка, подаренный автору публикации в конце 1960-х годов покойным саратовским искусствоведом И. А. Маневичем, судя по всему, был сделан в 1920-х годах сотрудниками Нижне-Волжского краевого музея, известными саратовскими краеведами и фотографами братьями А. и В. Леонтьевыми (один из которых и передал Маневичу фотоснимок). Леонтьевы были известны как неутомимые исследователи памятников усадебной культуры Саратовской губернии, оставившие, по их подсчетам, около 6 тысяч стеклянных негативов, подчас уникальных. В их обязанности входила и фотофиксация поступавших в музей эк-

спонатов. Леонтьевский фотоотпечаток с негатива (не обнаруженного пока в музейных собраниях Саратова) возвращает нас к давно забытым и выглядящим сейчас в новом свете фактам и публикациям.

К столетию гибели Пушкина в Саратове был издан сборник статей и материалов, посвященных поэту и его окружению. Вошедшая в сборник статья В. П. Воробьева «Друг Пушкина П. А. Вяземский в Саратовской области» заканчивалась выражением уверенности, что этот край еще даст «новые материалы не только по Вяземскому, но и по Пушкину... Залогом такой уверенности является то обстоятельство, что в 1920 г. фольклорная экспедиция Саратовского этнографического музея (входил в Н-В краевой музей. — К. Ш.) обнаружила в с. Мещерском случайно в крестьянской избе два портрета неизвестных помещиков (портреты рисованы карандашом — мужской и женский). Как оказалось, это портреты Вяземского и Вяземской, выполненные (как предполагают) рукою Кипренского»³. Как известно, в усадьбе Мещерское Сердобского уезда П. А. Вяземский жил и работал у отчима своей жены П. А. Кологривова с осени 1827 по осень 1828-го и весь 1829 год.

В Саратовском Государственном художественном музее им. А. Н. Радищева (тоже ранее входившем в Краевой музей) нами обнаружен единственный след хранения там оригиналов графических портретов Вяземских. В инвентарной книге № 2 (с. 232) — записи, скопированные из ранней, не сохранившейся книги 1920-х годов:

«№ 6862 — Неизв. худ. нач. XIX в. (О. Кипренский?) Портрет полковника Кологривова Петра Александровича, строителя мещерского дивного храма (начало стройки в 1818 году). Портрет снят в 1805 г. Рис<унок>, кар<андаш>, бум<ага>. В<ысота> 39. Ш<ирина> 28. Справа за плечом монограмма 18 В г. (ОК или ОА). Очень плохой сохранности.

№ 6863 — Неизвестный худ. I пол. XIX в. (О. Кипренский?). Портрет Параскевы Юрьевны Кологривовой, прежде бывшей за князем Гагариным, кормилица царской фамилии, строительница Мещерского храма. Сангина, кар<андаш>, бум<ага>. В<ысота> 41. Ш<ирина> 29. Очень плохой сохранности. Оба рисунка вывезены в 1920 г. из села Мещерского Сар. губ.».

³ А. С. Пушкин. 1837—1937. Сборник статей и материалов. Саратов, 1937. С. 104.

Налицо полное сочетание информации Н. П. Воробьева, записи в инвентарной книге и сохраненной нами фотофиксации давней находки. Стиль, малограмотный характер сведений о Кологривовых («Мещерский дивный храм», «кормилица царской фамилии») либо воспроизводят надписи на оборотной стороне портретов, либо запись со слов крестьян с. Мещерского, хранивших путаные предания. Их зафиксировал еще один не дошедший до нас источник, процитированный Воробьевым, — хранившаяся в том же музее «Летопись села Мещерского», где говорилось: «Кологривов был большой самодур, человек грубый, жестокий и властный. К тому же имевший любовь к тяжбам»⁴. Цитата помогает понять, почему сурового на вид молодого Вяземского местные крестьяне принимали за Кологривова — владельца их крепостных предков. Однако, как точно выразился Воробьев, портреты «неизвестных помещиков» оказались портретами Вяземских, но не слишком ли поздно их опознали? Судя только по фотографии 1920-х годов, можно предположить, что к моменту выхода сборника 1937 г. портреты были уже списаны за ветхостью, хотя никакого акта на списание или уничтожение тоже не имеем. Иначе трудно объяснить тот факт, что опознанные портреты близких друзей Пушкина не были переданы в центральный музей или архив наряду с переданными из Саратова в те годы автографами Пушкина, Радищева и другими реликвиями, и то, что они так никогда и не «всплыли» и нигде не воспроизводились.

Самым ценным в инвентарной записи является сообщение о сохранившейся над правым плечом Вяземского знаменитой монограмме: литера «К» вписана в заглавную букву имени «Орест». При этом сообщается совершенно невероятная датировка портрета: 1805 год. Естественно предположить, что справа от монограммы, где читалась только цифра «5», стояло «15». Образы Вяземских на портретах вполне отвечают их возрасту в 1815 г.: князю 23 года, княгине — 25. К тому же манера и техника, в какой выполнены портреты (особенно П. А. Вяземского), более всего напоминают карандашную пор-

третнюю сюиту Кипренского 1815—1816 гг. В любом случае поразительное сходство, не требующее доказательств, и графические приемы выдают руку большого мастера. Мы не будем сознательно касаться авторства портрета княгини В. Ф. и определения самой модели, уверенно сделанного по нашей просьбе известным специалистом по атрибуции персонажей портретов пушкинской эпохи Л. И. Певзнер. Наиболее убедительными аналогиями можно считать портреты Вяземской работы К. Рейхеля 1817 г. и миниатюру Молинари 1809 г. Что касается нового изображения Вяземской, то предположение об авторстве Кипренского представляется гораздо менее безусловным. При этом наши портреты вряд ли являются парными, о чем свидетельствует и различие в их размерах, хотя они оба когда-то, возможно, были на одном паспарту⁵.

Не развертывая в данном случае чисто искусствоведческого анализа и сознания, что с научной точки зрения безнадежно определять авторство по любой фотокопии, даже очень хорошей, все же заметим, что публикуемые изображения Вяземских (особенно Вяземского) ни в чем не противоречат исследовательским трактовкам и оценкам своеобразия портретной графики Кипренского такими знатоками его искусства, как Э. Н. Ацаркина, М. М. Ракова, В. С. Турчин... Приведем лишь несколько цитат из монографии Ацаркиной: «Большинство портретов Кипренского этого периода производит впечатление быстрых набросков. Резче обрисовываются черты лица, суровее становится взгляд... Кипренский подчеркивал особенности структуры лица, не избегая передачи и некрасивой внешности...»⁶ «...Прибегая в эти годы только к карандашу, Кипренский довел графическую технику до виртуозности... Художник обычно утолщал штрих в одежде, нежно скользя по лицу. Он слегка утолщает штрих и при обозначении ресниц, ноздрей и уголков губ... Кипренский охотно прибегал к растушке. Свободно и легко штрихует он фон, затеняя обычно одну сторону больше, чем другую...»⁷

К словам авторитетного ученого добавим, что в этих портретах часто встречается фиксация зрачка в уголке глаза

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Выражаю благодарность Л. И. Певзнер за консультацию, данную в беседе с автором этой работы 23 февраля 1991 г.

⁶ Ацаркина Э. Н. Орест Кипренский. М., изд. Третьяковской галереи, 1948. С. 94.

⁷ Там же. С. 96—97.

и одинаковое затемнение фона справа — за плечом изображенного, идущее как бы по дуге... (Это особенно наглядно при сравнении предлагаемого портрета Вяземского с такими же, предназначенными для интимного, семейного пользования работами Кипренского, как портреты Вилло и Н. М. Муравьева 1813 г., и другими). Наконец, если бы 72 года назад в саратовской крестьянской избе были найдены только копии, надо ли было копиисту непременно воспроизводить монограмму Кипренского?

Автор публикации был бы рад ошибиться, узнав, что где-то чудом сохранились ветхие оригиналы портретов, о которых шла речь. Но пока нам по-прежнему неведом живописный портрет Вяземского кисти Кипренского. Был неведом сам факт существования графических портретов. Исчезли их оригиналы. Не найден даже негатив с них 1920-х годов. Вот почему един-

ственный известный фотооттиск А. и В. Леонтьевых приобретает на данный момент значение первоисточника. Это изображение П. А. Вяземского — по времени и смыслу — находится в явной связи с утраченным живописным портретом, писавшимся в конце 1815 — начале 1816 г. Пока что оно — единственное свидетельство того, каким видел Вяземского в пору его знакомства с Пушкиным знаменитый живописец. Это — звено в творческой работе портретиста и недостающее звено в истории отношений Вяземского и Кипренского. Но даже если отрицать такую аргументацию авторства или спорить о датировках, при любой доле скептицизма — мы, кажется, имеем совершенно неизвестные ранее изображения, которые нельзя не учитывать как новое слово в иконографии Петра Андреевича и Веры Федоровны Вяземских.

В. И. К о р о в и н

ПОМЕТЫ П. А. ВЯЗЕМСКОГО НА СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ М. В. ЛОМОНОSOBA

В Музее книги (отдел редких книг) Российской государственной библиотеки находится экземпляр издания: «Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова. С приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде не напечатанных творений. Часть первая. В Санктпетербурге, иждивением Императорской Академии Наук 1784 года». Он испещрен пометами П. А. Вяземского, чей угловатый, с левым наклоном почерк узнается без особого труда.

Пометы П. А. Вяземского относятся предположительно ко второй половине 1850-х — середине 1860-х годов (в тексте упоминается «герой» «Мертвых душ» Чичиков, а также М. Н. Катков, с которым Вяземский как раз в это время вступил в политическую и литературную полемику). О более точной датировке можно высказать лишь догадку. Вероятнее всего, поводом к тому, чтобы Вяземский снова взял в руки том сочинений Ломоносова, послужило либо 150-летие со дня рождения, либо 100-летие со дня смерти великого ученого, т. е. 1861 или 1865 г. Россия в ту пору начала новый период своей истории, и Вяземский, чутко относившийся к общественным переменам, ощутил потребность сравнить век нынешний и век минувший. С устранением крепостного права уходила в прошлое старая Россия, у истоков государства и культуры которой стоял Ломоносов. Ранний Вяземский видел в Ломоносове до известной степени литературного противника, но теперь, по прошествии ста или ста с лишним лет, оказалось, что они звенья одной культурной цепи. В начале 1810-х годов авторитет Ломоносова был поколеблен предпушкинским поколением, к которому принадлежал и Вяземский. Во всяком случае, для «арзамасцев» Ломоносов был во многом «мертвым» автором. В 1850-е и особенно в 1860-е годы Вяземский почувствовал себя ненужным. Он не нашел общего языка с новым литературным племенем. По всей видимости, это заставило его острее осознать свою спаянность с предшествующей литературной и культурной традицией. В пометах Вяземский в какой-то мере искупал «грехи» молодости: верный последователь Карамзина, воспитанный на французской словесности и усвоивший вольтерьянство, он теперь отдавал должное, хотя и не принимал безоглядно и целиком, своему соотечественнику,

чьи заслуги, к тому же восхваляемые «староверами» из «Беседы», он не слишком ценил в молодости.

Вяземский перечитал Ломоносова с необыкновенным тщанием, оставив на полях и в самом тексте множество помет: почти на каждой странице встречаются отчеркнутые и подчеркнутые места, краткие и развернутые записи, касающиеся как общего смысла, так и отдельных выражений. Самое, может быть, примечательное состоит в том, что Ломоносов для Вяземского перестал быть «мертвым», как в молодости, а явился живым автором и участником современных споров. Это видно из весьма пристрастных заметок, отзывов, оценок.

Пометы многое открывают и в авторе их. Вяземский с годами не утратил ни полемического задора, ни остроты зрения. Он цепко держит в памяти и русскую историю, и русскую литературу от XVIII до середины XIX в. Он остался боевым критиком и боевым публицистом. В пометах нет следа какой-либо реакционности, в чем часто упрекали Вяземского в середине XIX в. и уже в наше время. И все же можно заметить, что Вяземский более историчен и более осторожен в своих выводах, чем в молодости. Например, из того факта, что язык и стих Ломоносова устарели, Вяземский вовсе не склонен принижать его творчество.

В 1813 г. Вяземский сделал запись об оде Вольтера: «По мне в сей оде гораздо более лирической поэзии, чем в оде Руссо к Фортуне и всех торжественных одах Ломоносова» (*Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848)*. М., 1963. С. 20). В 1860-х годах ту же оду Руссо, переведенную Ломоносовым, он снова поставил невысоко. Многие в стихах Ломоносова по-прежнему раздражает Вяземского: безотчетный и безоглядный восторг, неумеренный гиперболизм, рискованные сравнения, затемняющие смысл инверсии, необоснованные пророчества, холодное перечисление названий, предметов, обращение к научным знаниям («реляция», «статистика», «профессорство»), непосредственное вторжение в лирику политического содержания («газета»). По мнению Вяземского, Ломоносов создал звучный и стройный стих, но лишь редкие его выражения бывают удачными. Самый главный недостаток, с точки зрения Вяземского, состоит в том, что в сочинениях Ломоносова не проглядывает его индивидуальность («мало выпуклостей»). Однако эти недостатки поэзии Ломоносова, считает Вяземский, нерасторжимо слиты с ее неоспоримыми и несомненными достоинствами. Стоит только перенестись в XVIII век, и становится ясно: то, что ныне выглядит чуждым поэзии, во времена Ломоносова составляло самую суть настоящей, подлинной лирики. Тем самым Вяземский не упускает из вида исторического своеобразия, исторических особенностей поэтической культуры, взрастившей Ломоносова и возвращенной им. Затуманенная индивидуальность в лирике — не частный признак одной лишь поэзии Ломоносова, но специфическое качество, присущее поэтической культуре начала и середины XVIII в. В таком исторически пронизательном взгляде, конечно, больше правды, чем в запальчивом отрицании ломоносовских од у молодого Вяземского. Отсюда следует, что в пометах Вяземского ощутимо движение истории, ее дыхание. Он почувствовал перемены, которые произошли с литературой, в жизни страны, и заметно изменился сам. Он осознал себя связующим звеном между веком XVIII и веком XIX. И это особенно ценно.

Суждения Ломоносова служат для Вяземского поводом для его собственных размышлений. Поэт XVIII в. часто становится союзником Вяземского, не принимавшего многие стороны тогдашней русской государственности.

Пометы Вяземского можно условно разделить на три большие группы. К первой относятся конкретные реалии: Вяземский высказывает догадки о лицах, которых, возможно, имел в виду Ломоносов, уточняет места, описываемые Ломоносовым, упоминает об устных отзывах на его стихи. Все это имеет несомненную ценность, поскольку Вяземский многое слышал и многое запомнил от людей XVIII в., которых застал в живых. Во вторую группу входят политические рассуждения, основанные на сопоставлении высказываний Ломоносова о русских государственных и общественных делах с их современным состоянием. Третью группу составляют стиховые и стилистические пометы. Маргиналии на эту тему особенно многочисленны и весьма значимы для понимания эволюции стиха и стиля и для представления о литературных вкусах самого Вяземского. Всего в книге отмечено (подчеркнуто, отчеркнуто на полях, снабжено значками и маргиналиями) около 170 мест; здесь приводится подавляющее большинство словесных ремарок Вяземского; указанные номера стихов означают отчеркнутые фрагменты текста.

ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА

Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долгое пренебреженное счастье чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составить...

/с. 17/

Зачем же сам не пользовался этим толь долго пренебреженным счастьем и не писал различными размерами?

ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА...

Обширного громаду света
Когда устроить я хотел,
Спросил ли твоего совета
Для множества толиких дел?

.....
За чем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?

/С. 50; строфа 13/

И без роптания проси.

/С. 50; строфа 14, ст. 112/

Признаюсь, если меня спросили бы, то я сказал бы. В том-то и беда, что не спросили, да и теперь не спрашивают.

Все это так, — но если просишь и не дают, если долго страдаешь, то по неволе, пожалуй, по слабости своей, человек в горе с-ти не напрасно ропщет: а если и напрасно, т. е. бесполезно, то не в моготу не роптать. Под пыткую кричишь, хотя и знаешь, что крик не поможет.

ОДА... АННЕ ИОАННОВНЕ... НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

Скрывает небо конской пар!
Чтож в том?..

/С. 58; строфа 3, ст. 29, 30/

.....
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?

/С. 59; строфа 5, ст. 41—44/

Наполнил степь голов поганских

/С. 61; строфа 11, ст. 110/

В Китайских чтут Ее стенах

/С. 66; строфа 24; ст. 238/

Вот уж гипербола.

В чем в том? В конском паре что ли?

Что-то есть подобное у Держави-на.

От этих голов и стих выходит поганый.

Это еще не очень лестно!

ОДА НА ПРИБЫТИЕ... ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ИЗ МОСКВЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1742 ГОДА ПО КОРОНАЦИИ

«Благословенна вечно буди, —
Вещает Ветхий деньми к Ней, —
И все твои с Тобою люди,
Что вверил власти Я Твоей.

.....
/С. 71; строфа 6/

Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость, и породу,
Погиб за Римскую свободу,
С разъезду в оную скочив...

/С. 75; строфа 19, ст. 184—187/

Какая бодрая дремота

Открыла мысли явный сон?

/С. 81; строфа 33, ст. 321—322/

Мне всегда кажется неприличным и неловким подсказывать и влагать в уста Богу свои собственные понятия и слова.

П а с т ь слишком далеча: не знаешь, куда соскочил

Курций — и еще с разъезду — в младость ли, в породу или римскую свободу.

Quelle docte et sainte ivresse. <Какой ученый и святой восторг - фр.>

ОДА... НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ... ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА
1742 ГОДА ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ

И Марс вложи свой шумный меч
/С. 86; строфа 3, ст. 22/

*Бывают шумные сабли у молодых
офицеров, постукивающих ими, но едва
ли может быть шумным меч.*

ОДА НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА... ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА 1743 ГОДА

.....
Возри в безмерный круг небес:
Он зыблется и помавает
И славу зреть Твою желает
Светящих тьмами в нем очес.
/С. 96; строфа 12, ст. 115—120/

*Восторге уж через край полмся: небеса
славу Петра Федоровича зреть желают. Да
кто им мешает? Беда в том, что нечего
видеть: как ни гляди, никакой славы не
разглядишь.*

ОДА НА ДЕНЬ БРАЧНОГО СОЧЕТАНИЯ... ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА И...
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ 1745 ГОДА

.....
Древа листьями помавают,
Друг друга ветвьми обнимают,
В бездушных там любовна страсть!
/С. 99; строфа 7, ст. 61—66/
И полк всех нежностей теснится
/С. 101; строфа 11, ст. 105/

*Немного похабно и напоминают стихи
Белосельского в опере его Оленька: Дуб
дубинку мнет, камень камня жмет¹.*

*Ныне сказали бы р о й. Полк нежнос-
тей.*

*Внизу, после текста Оды: Плохая ода. Ни
одного нет живого стиха.*

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ...
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ... 1746 ГОДА

И се уже рукой багряной
/С. 105; строфа 2, ст. 11/
Хотя от смертных сокровенно...
/С. 112; строфа 19/
Да возрастет Ея держава...
/С. 112—113; строфа 21/

Слова «рукой багряной» подчеркнуты.

*Вся строфа дважды отчеркнута, на полях: Очень
плохо.*

*Вся строфа отчеркнута, в конце: Хорошо
выдержано и развито сравнение.
Картина полная.*

ОДА НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ... 1746 ГОДА

Елисавет тебе дана
/С. 113; строфа 1, ст. 4/
Там муж, звездами испещренный,
Свой светлый напрягает лук
/С. 116; строфа 7, ст. 61—62/
Но се различные языки
/С. 118; строфа 14, ст. 131)

*Ломоносов как бы угадал слово
принца de Ligne: Catherine Le Grand.
Свистунов ли? Смотри фотографию
его².*

*Тогда признавали, что Россия не одним
русском сплотилась.*

.....
Тебе Иппократ посвящает...
/С. 119; строфа 16, ст. 157—160/
Как верьх высокия горы
Взирает непоколебимо
На мрак и вредные пары
/С. 119; строфа 17, ст. 161—164/

Уж это — не намек ли на Лестока?

Не скорее ли на винные пары?⁴

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ... ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
1748 ГОДА

Божественным устам приличен

Вся строфа отчеркнута. На полях: Есть движение

.....
/С. 121; строфа 6/
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с онаго пути склонилась,
Которым прежде я текла?»
/С. 123; строфа 8, ст. 77—80/
Тогда божественны науки
.....
/С. 123; строфа 9/

Толикое земель пространство
.....
/С. 126; строфа 15/

и неподдельная восторженность.

Нева может сказать при наводнении, что она позабылась и с онаго пути склонилась.

Вся строфа отчеркнута. На полях: Ломоносов заочно позволял немцам приносить ума труды. Но при себе не хотел видеть немцев в Академии.

Вся строфа отчеркнута. На полях: Ломоносов везде ходатайствует за науку и преподает пользу ее, хотя иногда и плохими стихами.

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ... ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
1748 ГОДА.

Священны да хранят уставы
.....
/С. 130; строфа 4/
Монархиня, Твои дела!
Народов Твоя державы
Различна речь, одежда, нравы,
Но всех согласна похвала.
/С. 134; строфа 12, ст. 117—120/
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон.
/С. 136; строфа 17, ст. 163—164/
Сие Россия восхищенна
.....
/С. 138; строфа 22/
Но естли гордость ослепленна
.....
/С. 139; строфа 24/

Вся строфа отчеркнута. На полях: *Поэтическая и прекрасная строфа.*

В старину хвалились у нас разнородностию русской державы. Теперь за Катковым вслед требуют, чтобы речь, одежда, нравы — все было пригнано (или загнано) в один покррой, в одну мерку.

Поэтические стихи.

Карамзин любил эту строфу.

Вся строфа отчеркнута. На полях: *Прекрасно.*

ОДА, В КОТОРОЙ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ БЛАГОДАРЕНИЕ ОТ СОЧИНТЕЛЯ
ПРИНОСИТСЯ ЗА ОКАЗАННУЮ ЕМУ ВЫСОЧАЙШУЮ МИЛОСТЬ В
САРСКОМ СЕЛЕ АВГУСТА 27 ДНЯ 1750 ГОДА

Где, древним именем Славена
.....
/С. 140; строфа 4/
Когда заря багряным оком
/С. 142; строфа 8, ст. 71/
В середине жаждущего лета,
Когда томит протяжный день
/С. 142; строфа 9, ст. 81—82/
Я воды обрацу к вершине
.....
/С. 143; строфа 10, ст. 99—100/
Коль часто доли оживляет
.....
/С. 143; строфа 11/
Из гор иссеченны колоссы
.....
/С. 146; строфа 19/

Вся строфа отчеркнута. На полях: *Вероятно Царское, а по-тогдашнему Сарское Село.*

багряное око — не хорошо, и напоминает офтальмию.

Вторая строка подчеркнута, на полях: *верный и хороший стих. Жаждущего лета тоже очень хорошее выражение.*

Это уже Петергоф.

Нелединский был уверен, что Ломоносов был влюблен в Елисавету⁵.

Вся строфа отчеркнута. На полях: *Статистика, но выражение везде верно и звучно.*

Наука легких метеоров,
Премены неба предвещай

Это сбивается на Mathieu de la Drôme⁶.

.....
/С. 147; строфа 22, ст. 211—216/

ОДА НА... ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ...
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1757 ГОДА

Вы, ударяючи во бреги тучны
/С. 151; строфа 8, ст. 73/

Опечатка, две лишние стопы⁷.

И к звуку приложило шум
/С. 152; строфа 9, ст. 87/

Не понимаю.

Кто в громе радостные клики
И огонь от многих вод дает?

Бессмыслица.

И кто ведет в перунах лики?
/С. 152; строфа 10, ст. 91—93/

О полны чудесами веки!
О новость непонятных дел!
Текут из моря в землю реки,
Натуры нарушив предел!
/С. 152; строфа 11, ст. 101—104/

Где же тут чудеса, что прорывают каналы? Кажется это и хотел сказать поэт.

Помысли, зря дела толики
.....

В стихотворце везде проглядывает профессор.

/С. 153; строфа 12/

Странно, а смело и хорошо.

Стремилась на Твое вдовство
/С. 154; строфа 16, ст. 157/

Но больше, что нам сохранила
Петра от внутренних врагов!

У Ломоносова кружится калейдоскоп имен: Петр I, Екат<ерина> I-я, Елисавета, Анна, Екатерина II и одно лице другое сменяет, заменяет, пополняет, превосходит — и все во благо и к славе России.

Мы ныне в страхе обмираем,
Когда злодеев представляем
Рыкающих, как лютых львов!
/С. 155; строфа 18, ст. 176—180/

Подумаешь, что Петр III был брюхат Павлом.

О ты, которого Россия
Давно от чресл Петровых ждет
/С. 156; строфа 20, ст. 191—192/

Чего же он хочет? Чтобы Екатерина преждевременно родила. Екатерина и без того охотно делала все, что нужно, чтобы снабдить себя плодом.

О небо, предвари судьбину,
Снабди плодом Екатерину,
Внуши народов многих глас!
/С. 156; строфа 20, ст. 198—200/

Разумеется, все это не поэзия в смысле нынешних понятий, сочувствий и требований. Но, читая Ломоносова, надобно перенестись в его время. Этот звучный, твердый язык, эти смелые и живые обороты — все должно было увлекать читателей. Самое содержание, самый склад ломоносовских од должны были иметь сильное значение. Тогда не было еще ни premiers Paris, ни premiers Moscou⁸. Политика, ученость не вредили тому, что называлось тогда поэзией и что впрочем и было поэзией того времени. И теперь нельзя отрицать в Ломоносове многие свойства поэта: звучность, краски и нередко воодушевление.

Однако в силах Бог Великий
Тебе венец, нам радость дал,
В Тебе одной хвалы толики
Российских Героинь послал.
В Тебе одной всех почитаем,
И к Вышнему всегда взываем:
«Поддай Елисавете век
Обилен, радостен, спокоен,
Таков, коль долго жить достоен
Тебе подобный человек».
/С. 157; строфа 23/

ОДА НА РОЖДЕНИЕ... ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СЕНТЯБРЯ 20 1754 ГОДА

И прежде смерти приключилось
/С. 159; строфа 5, ст. 45/

Мудрено, если приключилось бы после смерти.

В пределы славы стран звучит
/С. 159; строфа 6, ст. 53/

Пучина преклонила волны
/С. 160; строфа 6, ст. 57/
Богов Породе бесполезно
Не должно сроку ожидать.
/С. 163; строфа 14, ст. 139—140/
Расти, расти, крепися
/С. 163; строфа 15, ст. 141/
Там вокруг облег Дракон ужасный
/С. 163; строфа 20, ст. 195/
Щедротой больше, как грозой
/С. 165; строфа 20, ст. 195/

ОДА... ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ..., ПОДНЕСЕННАЯ ОТ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1757 ГОДА

Небесного очами света
На сродное им небо зрит.
/С. 169; строфа 9, ст. 83—84/
«Храните праведны заслуги...
/С. 171; строфа 13/
Что Петр, Она и Я велел
/С. 171; строфа 14, ст. 140/
Свирепой Марс в минувши годы
В России по снегам ступал,
Мечем и пламенем народы
В середине самой устрашал.
/С. 172; строфа 17, ст. 161—164/

ДЕНЬ ВО ВЕКИ ПРЕСЛАВНЫЙ КРОНОВАНИЯ... ЕЛИСАВЕТЫ... ОТ
ИОАННА ГЕОРГА БОКА... ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Цветами разными возженны свечи
Являют каждая веселие души.
Когда блистания составы в верх возводят,
То значат, что к звездам желанья восходят.
/С. 176; строфа 8, ст. 61—64/

ОДА... ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ... НА ПРЕСЛАВНЫЯ ЕЯ ПОБЕДЫ...

.....
О мыслей наших Рай прекрасный,
Небес безмрачных образ ясный,
.....
/С. 176—177; строфа 1, ст. 1—8/
Чтоб враг делам Российским верил
/С. 178; строфа 5, ст. 48/
Каков наш род, мочь, верность, власть.
/С. 178; строфа 5, ст. 50/
Пускай на гордых гнев мой грянет,
Соблещет молния мечу.
/С. 179; строфа 8, ст. 79—80/
Богини нашей важность слова
К бессмертной славе совершить
Стремится Сердце Салтыкова,

Ростановка слов в языке нашем
позволительна, но употреблять
ее должно с большою осмотри-
тельностью, а не то выходит
сумбур, как здесь, где слово
с т р а н втерлось между
с л а в а и з в у ч и т.

Поэтическое выражение.

*La valeur hâ tend pas le nombre des
années* <Доблесть не ждет годов
— фр.>.

Не полный стих?

Вся строфа отчеркнута. На полях: Турция
что ли?

Не галлицизм ли?

Голубые ли глаза были у Елисаветы?

Вся строфа отчеркнута. На полях: Эта
строфа напоминает Державина.

Это сбивается на новую Троицу.

Пророчество 12 года.

Ракеты и римские свечи — как
дурно и пошло. Шестистопная
ода, кажется, хуже всех.

Чуть ли Нелединский, *qui s'y con-
paitseur* <как знаток — фр.>, не
прав ли, и не был ли Лом. влюблен
в Елисавету.

Проза.

Не легко разжуешь этот стих.

Поэтическое выражение.

Реляция в стихах.

Дабы коварну мочь сломить.
/С. 181; строфа 13, ст. 121—124/
Ни горы Шлонския высоки
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Чрез трупы к Франкфуртским стенам.
/С. 181; строфа 13, ст. 126—130/
Военны запечатай двери
/С. 185; строфа 23, ст. 229/

Прекрасно, в хвале! (Дмитриев).

Что-то полицейское.

ОДА... ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ... НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1761 ГОДА

Безгласна видя на одре
Защитника, Отца, Героя,
Рыдали россы о Петре
.....
Екатерине скиптр вручен
.....
/С. 187; строфы 4, 5/
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин
/С. 193; строфа 20, ст. 195—196/

Петр Первый умер — и Екатерине
скиптр вручен — и *semper bene*
<отлично — итал.>, по мнению
Ломоносова.

Газета.

ОДА...ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ФЕОДОРОВИЧУ...

Уже плачевная утрата,
Дражайшая сокровищ злата
/С. 194; строфа 1, ст. 5—6/
Но больше чту сию заслугу,
Что ты, усердствуя к Нему,
Достойную дала Супругу,
Любезну Отчеству всему.
Уже из общей их любви
Цветет от Нашей Отрасль крови,
Дражайший Павел, Правнук Мой.
.....
/С. 198; строфа 12/
Германия сему подобно
По собственной крови плывет,
.....
/С. 201; строфа 19, ст. 181—184/
В зеркале жидком представляет
/С. 202; строфа 21, ст. 203/
.....
Ты к морю в празднестве стремишься,
Цветущий славою Цветин.
Хотя не силен ты водою,
Но радостью сравнись с Невою
/С. 202; строфа 23, ст. 221—226/

Опять и *semper bene*, господи¹⁰.

Вся строфа отчеркнута. Под текстом: Как судьба жестоко осмеяла все пророчества бедного Ломоносова в отношении к Петру III и к Павлу.

Ломоносов в одах своих, как газетчик, не теряет никогда из вида политических современных вопросов.

Не поэтическое, а смелое выражение.

Фрагмент отчеркнут, к подчеркнутым словам «не силен ты водою», отмеченным знаком «++»: Опять газета.

После текста Оды: Как редки в Ломоносове удачные выражения. Есть иногда полные, стройные, звучные строфы. Но мало выпуклостей. У Державина даже и в слабых одах его все вырываются местами выражения, бойкою рукою отчеканенные.

ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ... ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ИЮНЯ 28 ДНЯ 1762 ГОДА... ОТ ВСЕПОДДАНЕЙШЕГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

И от презрения избавит
Возлюбленный Российский род.
/С. 204; строфа 1, ст. 9—10/

А что поэт предсказывал Петру III?

Предался в руки побежденных?

Опять газета.

.....
/С. 206; строфа 6, ст. 53—60/

Услышьте, Судии земные
И все державные главы...

Вся строфа отчеркнута. На полях: *Поучительно и хорошо выражено.*

.....
/С. 210; строфа 17/

ОДА... ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ... В НОВЫЙ 1764 ГОД...

О Пиндар! Естьлиб в оны веки
Под сею властью жили Греки,
Тоб пел ты о своих Богах,
Что могут завсегда в забаве,
Не мысля о земной управе,
Свой Нектар пить на Небесах.
/С. 221; строфа 21, ст. 205—210/

Зачем же из Пиндара сделать шута? - Стало быть и Господу Богу нечего при Елисавете мыслить о земной управе?

ВЕНЧАННАЯ НАДЕЖДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ... ОТ ГОТЛОБА ФРИДРИХА ВИЛГЕЛЬМА ЮНКЕРА... ПЕРЕВЕЛ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Он ставит войско в строй, притом и мертвых числит.

Подобно Чичикину¹¹.

.....
/С. 235; строфа 23, ст. 179/

Когда спокойно их хранит кака держава

Слово «кака» подчеркнуто. На полях: *Извините.*

.....
/С. 236; строфа 28, ст. 227—232/

Чтобы в торгу своем никто не знал урону...

Проповедывал свободную торговлю.

.....
/С. 237; строфа 29, ст. 227—232/

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНТОМ

Проведи дугами брови

Верно и живописно выражено.

По высокому челу

.....
/С. 243; Ода XXVIII, ст. 103—104/

ОДА ГОСПОДИНА РУССО... ПЕРЕВЕДЕННАЯ Г. СУМАРОКОВЫМ И Г. ЛОМОНОСОВЫМ...

<Перевод Сумарокова>

Вместо яростию взята
Зверски Клита кто убил;
Вобразим себе Сократа:
Естьлиб он на троне был...

Не хорошо, а все лучше, чем у Ломоносова.

.....
/С. 265/

СТИХИ... БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ НА ФЕЙЕРВЕРК... В САНКТПЕТЕРБУРГЕ 1 ГЕНВАРЯ 1755 ГОДА; СОЧИНЕННЫЕ Г. ЛОМОНОСОВЫМ И НАПЕЧАТАННЫЕ ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ САНКТПЕТЕРБУРГСКИХ СОЧИНЕНИЙ В ГЕНВАРЕ 1755 ГОДА НА СТР. 24 И 25¹²

Какой Монарх возмог, чтоб под одну державу
Народов множество тоlikое собрать?..

Опять разнонародности России обращаются ей в похвалу.

.....
/С. 307; строфа 1, ст. 4—8/

Языки разными вещает Твой народ

.....
/С. 308; строфа 3, ст. 22/

Стало быть Ломоносов позволил бы немцам говорить у нас по-немецки, полякам по-польски.

Тебе и всей Твоей Фамилии, Богиня!

.....
/С. 308; строфа 3, ст. 25/

Фамилия Богини как-то не ладно.

К ПАХОМИЮ

Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст! Почти вольнодумно.

.....
/С. 312—313; ст. 19—24/

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ ПО ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ... В 1761 ГОДУ...

Ты Ангел во плоти иль, лучше, ты бесплотен! Кузнецик — ангел во плоти!
/С. 315; ст. 7/

Пометы П. А. Вяземского с очевидностью свидетельствуют, что их автор разошелся в осмыслении национальной истории и с западниками, и со славянофилами, и с консерваторами из правительственных кругов. Вяземский полагал, что Россия может и должна сохранить национальное обличье. Вместе с тем трактовка Вяземским национальной самобытности исключает какую-либо ограниченность и никак не предполагает ущемление прав ни народов, населяющих территорию России, ни лиц других национальностей, находящихся на государственной службе или живущих в России в качестве частных граждан. Так, Вяземский явно сочувственно отмечает слова Ломоносова о том, что здание империи создавалось не одними лишь русскими, а всеми народами, обитавшими в российском пространстве. Сосуществование разных народов, разных «языков», о чем писал Ломоносов, ставится ей всюду в заслугу, в похвалу, а не в хулу или в порицание. Самобытность России виделась Вяземскому не в ограничении прав и культурных проявлений разных народов, не в искусственном предпочтении русского народа всем остальным, а в исторически возникшем и потому естественном единстве многих народов и культур.

Вяземский настаивал на том, что своеобразие страны есть своеобразие ее истории. Новые веяния («душегубка-новизна»), какого бы толка они ни были, его чаще всего сглаживают и уничтожают. Эта точка зрения, согласно которой старина — опора национальной самобытности, чревата опасными и отрицательными последствиями. Вяземский их не избежал. Однако «грех» неприятия и отвержения нового, а иногда и фальшивость изображения русского национального начала в какой-то мере искупались положительными сторонами той же позиции. По мнению Вяземского, существует некая общероссийская самобытность, основанная не на моно-, а на поликультуре. Она предполагает самобытность отдельных культур внутри себя. В свете такого взгляда многие стихотворения Вяземского («Памяти живописца Орловского» и др.), восторженно встреченные славянофилами, весьма далеки от славянофильских устремлений. Вяземский, прославляя русские нравы, обычаи, русский способ мыслить и изъясняться, не считал, что только они представляют Россию во всем ее объеме. Российская культура не является культурой только русских. В ее сотворении, как и в созидании государства, участвовали все народы. Эту мысль он постоянно находит у Ломоносова и считает, что, признавая ее, предки по справедливости гордились такой «разнонародностью».

Что же касается поэтического языка, то тут Вяземский выступил прямым защитником точности словоупотребления, притом не только лексической и стилистической, но и предметной. Метафоризм и отвлеченность эпитетов Ломоносова вызывают у Вяземского естественное сопротивление. Вяземский-читатель и Вяземский-критик неудовлетворен несколько фамильярным обхождением Ломоносова с Богом и отношением к божественным атрибутам. Он недоволен перенесением бытовых и светских понятий на область сакрального и смешением их. Тут Вяземский солидарен с той критикой, которая раньше звучала в адрес Ф. Н. Глинки со стороны Крылова и Пушкина.

Несмотря на историзм суждений Вяземского (поэзия Ломоносова, хотя и не подчиняется принципам чистой художественности и выходит за ее пределы, все-таки признается им поэзией, свойственной XVIII веку), его эстетические взгляды остаются в известной степени ограниченными и рационалистическими. Например, Вяземский осуждает такие словосочетания, как «багряная рука», «багряное око». Метафорический язык Ломоносова (слово «багряный» связано в сознании поэта XVIII в. с царской одеждой, багряницей, с властью и могуществом, с мифологией) вызывает протест Вяземского, потому что в эпитете «багряный» он ищет реальный цвет, в согласии с которым должна, по его мнению, рождаться

метафорическая образность. Все это, конечно, верно и вполне приложимо к послепушкинскому периоду русской поэзии. Однако поэт XVIII в. еще очень далек от предметной точности эпитета (как и в других случаях, отмеченных Вяземским), и потому упрекать его в неконкретности такого рода не совсем исторично.

В целом же пометы Вяземского дают живое представление о его размышлениях на темы политической и гражданской истории, культуры и поэтического словоупотребления. Они еще раз напоминают о пути, пройденном русским обществом со времен Ломоносова до 1860-х годов XIX столетия.

Примечания

Заглавия произведений Ломоносова, а также ссылки на строфы и стихи даются по изданию: *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. Страницы приведены по Изд. 1784 г.

- 1 Речь идет о князе Александре Михайловиче Белосельском-Белозерском (1752—1809), отце З. А. Волконской. Упоминаемое сочинение издано в Москве в 1796 г. («Олинька, или Первоначальная любовь. Село Ясное»). Однако в нем нет стихов, упоминаемых Вяземским.
- 2 Догадка Вяземского неверна: П. С. Свистунов (1732—1808), государственный деятель, губернатор и сенатор, известный переводчик, никак не мог в 1746 г., 14 лет от роду, «напрягать свой светлый лук» и не был еще «испещрен звездами».
- 3 Хотя Ломоносов сделал приписку к имени Иппократ («Изобретатель Медицины»), Вяземский не без основания упомянул Лестока, придворного врача, игравшего важную роль в государственных делах при Елисавете Петровне.
- 4 Явный намек на пристрастие Елисаветы Петровны к вину, о чем были осведомлены современники и о чем было известно Вяземскому.
- 5 Вяземский ссылается на близкого ко двору поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1752—1828), который был посвящен в тайны царской семьи.
- 6 Вяземский имеет в виду сочинения французского политического деятеля и ученого-метеоролога Филиппа Матье де ла Дрома (1808—1865).
- 7 Никакой опечатки здесь нет. Но Вяземский отчасти прав: стих действительно содержит лишние стопы.
- 8 Т. е. передовых статей в парижских и московских газетах.
- 9 В экземпляре Вяземского опечатка; надо: «Расти, расти, расти, крепися».
- 10 Здесь и выше Вяземский использовал стих из «Евгения Онегина» (гл. 8, XXXV).
- 11 Вяземский явно запомнил фамилию Чичикова.
- 12 Эти стихи не включены в Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова. Название, приведенное в изд. 1784 г., ошибочно, так как в изд. «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» (СПб., 1755, январь), на которое есть ссылка, стихи озаглавлены: «Стихи Ея Императорскому Величеству, Великой и Всемиловитвейшей нашей Монархине». Они входят в состав «Описания и изъяснения великого фейерверка» в честь Елисаветы Первой. Помещены на указанных в заглавии страницах.